

К. Н. Григорьян

Армянская культурная колония в Петербурге в XVIII веке

В развитии культурных связей между русским и армянским народами большую роль сыграла петербургская армянская колония, возникшая вскоре после основания города.

Петербург строился быстрыми темпами. С каждым годом увеличивался приток новых жителей, среди которых было много иностранцев. «Мастера-иноземцы,—пишет А. В. Предтеченский,—широким потоком хлынули в Россию, привлеченные всевозможными льготами, предоставляемыми им Петром»¹. В числе приезжих были люди различных специальностей: живописцы, архитекторы, переводчики, ученые, ремесленники, купцы. В первый период существования города отмечается большая текучесть населения. «Обыватели С.-Петербурга суть или постоянные, или временные, записанные в других местах и городах,—говорится в старинном русском географическом словаре.—Многие из сих последних, как то купцы, ремесленники и работники живут здесь беспрерывно, однакож сюда не принадлежат; иные, пробыв здесь несколько лет, оставляют столицу, и спустя некоторое время возвращаются опять в оную; другие ездят каждый год во свояси». Здесь имеются сведения о петербургских армянах: «Армяне суть купцы, мастера галантерейных вещей и проч. Здесь оных малое токмо число поселилось»².

С самого основания города Петр придавал большое значение вопросу увеличения торгового сословия и дворянства. Специальные указы и трамоты Петра показывают, как он всячески поощрял и деятельность армянских купцов и промышленников.

С 20-х годов XVIII века усилился процесс переселения армян в Россию. «Армяне на призывный голос Петра, сливавшегося с голосом их сердец,—пишет С. Н. Глинка,—спешили целыми семействами переселяться и водворяться в пределах России. В числе сих новых переселенцев были потомки Манука Лазарева. С прибытием их в Россию в Москве и на берегах Невы отмежевались участки армянские»³.

В архиве Абамян-Лазаревых сохранилась краткая записка, состав-

¹ А. В. Предтеченский. Население и быт Петербурга. В книге: Петербург Петровского времени. Сб. статей под редакцией А. В. Предтеченского, Лениздат, Л., 1948, стр. 136.

² Словарь географич. Российской империи, собранный Афанасием Щекатовым, часть пятая, М., 1807, стр. 662—664.

³ Сергей Глинка. Обзор истории армянского народа ..., ч. II, 1833, стр. 246.

ленная в 80-х годах XVIII века, из которой явствует, что уже в 1710 году, т. е. через семь лет после основания Петербурга, там уже была небольшая армянская колония. Записка составлена по всей вероятности для официальной цели и первым вопросом значится: «в котором году произошел здешней армянской приход?». В ответе сообщается, что «в 1710-м году в Петербурге завели Армянские конторы»¹. Речь здесь идет о торговых агентствах. Петербург вскоре стал важным транзитным пунктом, где купцы останавливались, а некоторые из них и совсем обосновывались. Таким образом, первые армяне, появившиеся в Петербурге, были люди из торгового сословия. Среди них, как увидим ниже, встречались люди культурные и образованные для своего времени. Рано появляются в Петербурге и служивые люди из армян. В 1710 году в Посольском Приказе был толмачем «Армянин Афонасий Панкратов»².

Что из себя представляла петербургская армянская колония в самом начале XVIII века, какова была ее численность, каков ее состав—на все эти вопросы нет возможности ответить с исчерпывающей полнотой, так как, к сожалению, не располагаем еще нужными данными. Из той же краткой записки из архива Абамелик-Лазаревых узнаем, что на первое время для нужд немногочисленной колонии из Москвы приезжали армянские священники, а «в 1730-м году священник Иван Шеристанов основался в Петербурге (скончался в 1787 году)»³. Следовательно, в 30-х годах армянский приход вырос настолько, что появилась необходимость иметь постоянного священника. В конце 30-х годов XVIII века в Петербурге существовала «Армянская улица»⁴. За счет кого росла армянская колония? Кроме торговых людей, чиновников, лиц духовного звания, вскоре видим и военных. В официальных бумагах 1720—1750-х гг. часто встречаются дела по челобитным армян с просьбой принять их «в российскую военную службу».

В 1723 году около 700 человек армян и грузин вступили в русскую армию, составив несколько рот и эскадронов. «Когда турки занимали Грузию и Армению,—пишет П. Г. Бутков,—то многие из грузин и армян... оставили свое отечество, вышли в Гилян в 1723 году и там... вступили в российскую службу»⁵.

Командиром армянского эскадрона был Лазарь Христофоров. При нем были подполковник Петр Кашперов, поручик Иван Исцатуров и пра-

¹ Центр. госуд. историч. архив в Ленинграде (в дальнейшем сокращенно: ЦГИАЛ), ф. 880, оп. 5, № 108, л. 12.

² Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, СПб, 1833, часть I, стр. 355—357 (в дальнейшем сокращенно: Собрание актов...).

³ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, № 108, л. 12. Документ об армянском протоперее Иване Петрове Шеристанове, см. также Собр. актов..., ч. I, стр. 372—373.

⁴ Сл. геогр. Российск. госуд..., часть пятая, стр. 655. «Армянская улица» числится в списке улиц Петербурга за № 73.

⁵ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, часть I, СПб, 1869, стр. 57.

порщик Хачатур Якопов. Грузинским эскадром командовал подполковник Рафаил Парсидамов¹.

В 30-х годах XVIII века появляются в русской армии первые армянские генералы. 9 декабря 1734 года армянский подполковник Лазарь Христофоров и Иван Юз-Баша были пожалованы «за службу и верность их к России генерал-майорскими чинами». Лазарь Христофоров командовал эскадром, состоящим из армян, добровольно вступивших во время похода Петра Первого в Персию. «Сей эскадрон существовал долгое время и армяне мужественно сражались за себя и за выгоды России»². В 1760 году последовал сенатский указ «о принятии в Российскую военную службу грузинцев и армян»³.

Из представления Коллегии иностранных дел на имя русской императрицы выясняется, что часть Кизлярского армянского эскадрона, главным образом офицеры, в количестве восемнадцати человек, в 1736 году оказалась в Петербурге «при войсках российских», которым императрицей было велено назначить «окладное жалованье и награждение в Приказ»⁴. Вполне вероятно, что некоторые из этих офицеров обосновались в Петербурге.

Еще в 1714 году в «секретном предположении» одного из активных помощников Исаеила Ори, архимандрита Минаса, поданном на имя подканцлера барона Шафирова, одним из шести пунктов составляла просьба «о дозволении строить в Петербурге армянскую церковь»⁵. Вопрос этот возникает снова в январе 1740 года. Один из первых армян-жителей Петербурга Лука Ширванов получил «высочайшее» разрешение построить на территории собственного дома небольшую армянскую каменную церковь, разумеется, на свои же средства⁶.

Таким образом, уже в самом начале XVIII века возникает вопрос о постройке в Петербурге армянской церкви. Тот факт, что в начале 40-х годов церковь была построена, свидетельствует о наличии к этому времени в Петербурге армянского населения.

Армянская колония в Петербурге, сравнительно с другими: Астраханской, Крымской, Московской, не была многочисленной. По цитированной выше записке из архива Абамелик-Лазаревых выясняется, что даже в 80-х годах XVIII века число постоянных жителей армян в Петербурге не превышает 150-ти⁷. Бывали в северной столице проездом, кроме купцов, и другие из армян. Так, например, в конце сентября 1741 года прибыло в Петербург многочисленное посольство от персидского шаха Нади-

¹ Сведения об определении армян и грузин в Кизлярский шквадрон. Ставропольские губ. ведомости, 1834, № 50, стр. 520—522; 1857, № 8, стр. 46; № 9, стр. 51.

² Собрание актов..., ч. II, стр. 295—296.

³ Собрание актов..., ч. I, стр. 24.

⁴ Сведения об определении армян и грузин в Кизлярский шквадрон. Ставропольские губернские ведомости, 1857, № 8, стр. 46.

⁵ Собрание актов..., часть I, стр. 358.

⁶ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. СПб, 1864, стр. 401.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, № 108, л. 12.

ра с богатыми дарами для русского двора. В числе подарков было 14 слонов¹. Среди людей, сопровождавших слонов из Персии в Петербург, значатся «персияне»: Соколов, Петров, Крестьянов, Барабанов и «армяне»: Иванов и Константинов². Пусть не смущают читателей фамилии этих «персиян» и «армян». Долгое время в России иностранные фамилии часто переводились, руссифицировались, тем более, если это касалось людей из простого сословия.

Август Людвиг Шлецер, в деятельности которого Ломоносов усмотрел большую опасность для русской филологической науки и о котором он выразился вполне откровенно: «каких гнусных пакостей не наколобродит такая допущенная к русским древностям скотина»³, в 1761 году впервые приехал в Петербург. «Вообще Россия есть великий мир, а Санкт-Петербург есть малый мир — в сокращении, — писал Шлецер в своих автобиографических записках⁴. «В других местах, — писал Шлецер, — есть много вещей хороших, но они малы; здесь то же самое, но прекрасно, и велико; многое, что в других местах велико, здесь гигантское, колоссальное». Его удивляло и многообразие состава населения и «многообразие племен и языков»⁵. Среди иностранцев, которых увидел Шлецер в Петербурге, называет он и армян.

Одним из первых «С.-Петербургских армян» был Лука Ширванов. Его имя впервые упоминается в официальном документе от 16 июля 1727 года, в числе посланных армян из России в Персию, где по всей вероятности они выполняли какие-то специальные задания⁶. Брат Ширванова Карапет, который в других документах именуется «Иваном Карапетовым», судя по всему, был тайным русским дипломатическим агентом в Персии.

Его имя упоминается в протоколах Верховного Тайного Совета 1727 года, где о нем сказано: «с 1723 года по ныне в Персии употребляется в интересах его имп. величества и служит со всякою верностью и усердием»⁷.

В другом документе 1730 года говорится об Иване Карапете, как о торговом армянине, который был «в Сагнагах Армянского собрания семь лет по комиссии российского двора»⁸. В бумагах коллегии иностранных

¹ М. И. Пыляев, *Старый Петербург*. СПб, 1887, стр. 62.

² Е. П. Карнович, *Родовые прѣзвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими*, СПб, 1886, стр. 142—153.

³ П. Майков, Шлецер Август Людвиг, *Русский биогр. словарь*, т. XXIII, стр. 340.

⁴ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим написанная. Сборник Отд. русск. языка и словесности Акад. наук, СПб, 1875, т. XIII.

⁵ Замечания иностранца о С.-Петербурге, в 1764 году писанные (из собственной биографии Шлецера); *Вестник Европы*, 1815, № 1, стр. 61—62.

⁶ *Собр. актов...*, ч. I, стр. 367.

⁷ *Сб. русского историческ. общества...*, т. 69, стр. 67—68.

⁸ *Собрание актов...*, ч. I, стр. 368. Сагнаг или Сигнаг—объединенное название земель армянских меликов в Карабахе—Талин, Галиберт, Хагин, Варанда, Туги или Лизаг в XVIII веке составляли область, называемую Сигнаг (см. А. Р. Иоаннисян, *Россия и арм. освоб. движение в 80-х годах XVIII столетия*, Ереван, 1947, стр. 259).

дел сохранились «выписки из допросов Ивана Карапета»¹. Он действовал во времена Исраела Ори. В Карабахе,—пишет один из современных исследователей русско-армянских политических связей В. Парсамян,—для организации вооруженных сил и для объединения армянских меликов вокруг этой задачи деятельную работу начал посланный от Петра I армянин Иван Карапет»². Он умер в конце 30-х годов и его личная переписка на армянском языке была взята из его дома и передана Ширванову, который эти письма разобрал и описал³. Следовательно, Лука Ширванов был вполне грамотным человеком, владевшим не только армянским, но и русским языком. Он был и крупным промышленником; приехал в Россию в самом начале XVIII века. В первое время он жил, очевидно, в Астрахани, затем приехал в Петербург и, пользуясь указом от 2 марта 1709 года, позволяющим «торговым армянам ездить из Москвы чрез Ругодив (Нарву) и С.-Петербург за границу, на каких они судах пожелают»⁴, завязал тесные связи с северной столицей, где и вскоре поселился на постоянное жительство. Обосновавшись в Петербурге, он развивает широкую деятельность, строит фабрики «для делания шелковых, полушелковых и бумажных парчей», занимается разведением шелководства в Астрахани и Кизляре, сеянием сорочинского пшена и т. д.⁵ В 1741 году разрешается Ширванову строить в Петербурге суда⁶. Его имя, как купца и промышленника, встречается во многих документах и почти во всех случаях именуется он «Санкт-Петербургским армянином». Ширванов поселился в Петербурге около 30-х годов и имел на Васильевском острове, на углу Третьей линии и Малого проспекта, собственный каменный дом⁷. Вместе с Ширвановым обосновались в Петербурге и другие из армянских купцов. Из именного указа сената, от 16 ноября 1760 года узнаем о принятии «в вечное России подданство армянина Манвела Назаретова с родными его братьями Артемьем, Богданом и Никитой Назаретовыми, о пожаловании их в С.-Петербургские мещане»⁸. Если иметь в виду, что эти купцы были постоянно в разъездах, общались в разных странах со многими своими соотечественниками (не забывая при этом, что среди них встречались грамотные, не чуждые культуре люди), то станет очевидным их роль как посредников в деле установления более тесных культурных связей между Россией и армянами.

Во второй половине XVIII века произошли важные события в политической жизни России, которые не могли не сказаться и на судьбе армян. Русско-турецкая война 1768—1774 гг., вступление русских войск в пределы Грузии, усиление интереса русской дипломатии к Кавказу,—все

¹ Собрание актов..., ч. I, стр. 372.

² В. Парсамян, Колониальная политика царизма в Армении (на арм. яз.), изд. Армянского филиала Акад. наук СССР, Ереван, 1940, ч. I, стр. 20.

³ Собрание актов..., ч. I, стр. 372.

⁴ Там же, стр. 354.

⁵ Там же, стр. 373.

⁶ Там же, стр. 16.

⁷ П. Н. Петров, История Санкт-Петербурга..., стр. 401.

⁸ Собр. актов..., ч. I, стр. 378.

это создавало благоприятные условия для установления более тесного контакта и с армянами. В эту эпоху в русских государственных планах Армении уделялось особо важное место. Армянское население сосредоточено было, главным образом, на территории исторической Армении, хотя армяне жили и в Грузии и во всех закавказских ханствах. Поддерживая армянское освободительное движение, правительство Екатерины II намеревалось восстановить армянское государство, что целиком отвечало задачам русской восточной политики¹. Россия стремилась создать новое христианское государство, способное вместе с Грузией укрепить русское господство на Востоке. Для осуществления этой политики сложившиеся исторические обстоятельства были весьма благоприятными. «Призывы русских властей, обращенные к армянам,—пишет А. Р. Иоаннисян,—встретили среди последних самый живой и горячий отклик. Уже с конца XVII—начала XVIII столетия широкие круги армянского народа и все выдающиеся армянские деятели связывали с Россией свои надежды на избавление от персидского и турецкого ига. В эпоху Екатерины II к России обращали свои взоры представители самых различных слоев армянского общества»². Не только армянские мелики и духовенство, но и прежде всего широкие массы армянского народа видели в русских своих освободителей.

Екатерина II в отношениях с армянским народом придерживалась взглядов Петра. Она предприняла реальные шаги в деле создания армянских колоний. При деятельном содействии самой императрицы в конце XVIII века строятся армянские города: Нахичевань на Дону, Григориополь; растут армянские колонии в крупнейших русских центрах: в Москве и Петербурге, а также в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Дербенте, в Крыму. Екатерина «дарует» армянам особые права и привилегии, закрепленные «высочайшими грамотами». Она предписывает своим чиновникам принять все меры, обеспечивающие лучшие условия для приезжих армян, «дабы не только все (армяне),—писала императрица,—перешедшие в пределы наши сохранены были, но чтобы и находящиеся за границею, вида их благоденствующих, к ним присоединились»³.

Процесс притока армянского населения в русские провинции длился довольно долго. Этот процесс начался (речь идет о массовом переселении) примерно с 1723 года и продолжался до момента присоединения Восточной Армении к русским владениям, то-есть более века⁴. Переселение приняло особо широкие размеры во времена русско-персидской и русско-турецкой войн 1826—1828 гг.

В планах Петра, а затем и Екатерины, Армения занимала важное место как страна, стоявшая на путях России в сношениях с Востоком.

¹ См. подробно в исследовании А. Р. Иоаннисяна: Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, изд. Госуд. университета Ереван, 1947.

² Там же, стр. 192—193.

³ Собрание актов..., ч. I, стр. 45—46.

⁴ Этой теме посвящена книга С. Н. Глинки: Описание переселения армян адербайджанских в пределы России, М., 1831.

Интерес к «армянскому вопросу», в особенности в конце XVIII века, целиком определялся внешней политикой России¹. Екатерина II возлагала большие надежды на армян. Ее попытки создать новое христианское государство при помощи восстановления древней Армении не увенчались успехом. «Мечта о создании под покровительством России армянского государства,—пишет А. Р. Иоаннисян,—не исчезла и после крушения надежд, вызванных событиями восьмидесятых годов. Она продолжала оставаться политическим идеалом всех выдающихся армянских деятелей ближайших десятилетий»².

Наряду с И. Л. Лазаревым, одним из наиболее видных и деятельных членов армянской культурной колонии в Петербурге, был архиепископ Иосиф Аргутинский-Долгорукий³. Некоторое время он жил в Астрахани, при его содействии армяне были переселены из Крыма в Нахичевань. Кипучая его деятельность начинается с 1782 года, когда он участвовал в переговорах «О склонении Грузии поступить под покровительство России». В 1787 году он с русскими войсками был в Турции. Он участвовал также и в Персидском походе 1796 года. «Подвергая жизнь явной опасности,—пишет Сергей Глинка об Аргутинском,—указывал он русским пути...⁴. С 70-х годов Аргутинский оказался в северной русской столице в качестве не только духовного лица, но и политического представителя армянского народа. С 1773 года он был епархиальным архиепископом обитающих в России армян, а с 1800 года Аргутинский становится верховным патриархом. Его роль была весьма значительной в годы царствования Екатерины II, когда русской дипломатией разрабатывались планы возрождения армянского государства, составлявшие существенную часть русской восточной политики. Аргутинский был человеком незаурядных способностей, давших ему возможность быстро подняться и занять видное положение. Он принадлежал к числу культурных людей своего времени. Следует отметить его отличное знание русского языка, что, несомненно, способствовало его популярности в русских правительственных сферах. О языке Аргутинского можно судить по его предисловию к русскому переводу «Исповедания христианской веры армянской церкви», в котором он излагает содержание традиционной исторической легенды о происхождении армянского народа, заимствованной им из сочинений древнеармянских авторов.

В конце XVIII века петербургская армянская колония значительно возросла, в состав которой вливались люди различного общественного положения. Преимущественно это были чиновники, военные, лица духовного звания и в особенности представители торгового сословия и промышленников.

¹ Подробно см.: А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия.

² Там же, стр. 194

³ Подробная политическая характеристика деятельности И. Л. Лазарева и И. Аргутинского-Долгорукого дана в исследовании А. Р. Иоаннисяна: Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия.

Сергей Глинка, Обзор истории армянск. народа., т. II, стр. 251.

В 1779 году Аргутинский познакомился с Григорием Халдаряном, который приехал в Россию из Лондона, где он жил в течение десяти лет. Халдарян—уроженец Новой Джульфы, некоторое время занимаясь торговлей в Индии, накопил богатство. Еще в Лондоне у него возникла идея организации армянской типографии, с целью распространения просвещения среди своих соотечественников.

Преодолев большие трудности, Халдарян наконец достигает своей цели. По его заказу были изготовлены в Голландии армянские буквы, девять различных шрифтов для будущей типографии¹. В 1779 году Халдарян переехал в Петербург, где спустя несколько лет—в 1783 году—основал армянскую типографию². В этом важном культурном начинании Халдарян нашел такого сильного и деятельного покровителя, каким оказался Аргутинский. Недолго просуществовала петербургская армянская типография. Недостаточная материальная база, особые трудности ведения дела, рост долговой суммы вскоре привели к весьма тяжелому положению. В 1788 году умер Халдарян. Типография Аргутинским была перенесена сначала в Нахичевань, а затем в Астрахань³. За пять лет своего существования петербургская типография выпустила несколько книг преимущественно религиозного содержания. Одной из значительных книг явилось новое издание сочинений армянского писателя XII века Нерсеса Шнорали (Благодатного), с двумя прекрасными портретами автора. Она была издана 1 мая 1788 года с предисловием автора и послесловием, в котором подробно рассказывалось о типографии Халдаряна и издательской деятельности Аргутинского. Вторая книга, о которой следует сказать, было новое издание «Истории Вардананской войны» известного армянского писателя V века Егише, с литографированными изображениями полководца Вардана Мамиконяна и Гевонда Ереца⁴. Из приложенной в конце статьи выясняется, что издание было начато при жизни Халдаряна, но увидела свет лишь после его смерти.

В конце XVIII века значительно возрастает интерес к русскому языку и было бы весьма важно установить какими путями и средствами на первых порах осуществлялось проникновение элементов русской культуры в армянскую среду.

В богатейшем хранилище армянских рукописей «Матенадаране» сохранилась записная книжка конца XVIII века неизвестного купца-армянина, где имеются не только деловые записи, отражающие торговую деятельность, но и записи, по которым можно судить о круге его духовных

¹ Архив армянской истории (на арм. яз.), т. IX, Тифлис, 1911, стр. 486—487.

² Первые армянские типографии возникли в Амстердаме, Венеции, Константинополе. Первая армянская печатная книга увидела свет в 1512 году. В 1771 году патриарх Симеон основал в Вагаршапате, близ Еревана, типографию и бумажную фабрику. Петербургская типография была основана вслед за Вагаршапатской.

³ Лео, История Армении (на арм. яз.), т. III, изд. Акад. наук Арм. ССР, Ереван, 1946, стр. 960, 964, 1055—1056. Лео, Католикос Иосиф Аргутинский (биографический очерк на арм. яз.), Тифлис, 1902, стр. 194—196.

⁴ Архив армянской истории., т. IX, стр. 487, 499.

интересов¹. Записи армянского купца носят двоякий характер. В одном случае источником могли служить живая речь и устное народное творчество, в другом—книжные тексты. В интересующей нас части записной книжки содержатся на русском языке краткие записи по истории России от Рюрика до Екатерины II², русские поговорки и упражнения по русскому языку³. Встречаются такие специфические русские выражения как: «мы сами с усами», «не брал, но драл», «гораздо нежно, да ненадежно», «дале море, меньше горе», «не в службу, а в дружбу», «смех и грех» и т. д. Здесь же запись поговорок: «На что желать мне долгих лет, в словах и в делах я вечный человек», «Не молви слова крепись, а дав слово, держись», «Дурака посади за стол, он и ноги на стол». Автора записной книжки заинтересовали также омонимы в русском языке. Так, например, он записывает: «Мука—из чего хлебы пекут», «му'ка—то есть мучение»⁴. Песни, привлечшие его внимание, преимущественно любовного характера. Среди них встречаются и несколько игривого содержания⁵.

Автор записной книжки плохо владел русским языком. Русские песни, которые ему понравились и он хотел запечатлеть их в памяти, были записаны при помощи армянского алфавита. Очевидно, в XVIII веке это был довольно распространенный способ воспроизведения русских текстов, наиболее удобный для быстрейшего овладения языком. Этим же методом пользовался Григорий Халдарян—автор изданного в Петербурге первого армяно-русского словаря⁶. В обращении к «благодарным читателям» издатели просили быть снисходительным, ибо, как писали они, «настоящая книга порождение любви, а не плод науки». Появление словаря Халдаряна в 1788 году свидетельствует о растущем интересе армян к русскому языку. В словаре заключено около двух с половиной тысяч, как говорит составитель, «наиболее нужных слов из бездонного моря языка русского народа». Автор преследовал цель «по тропинке языкопознания вывести читателей на широкую дорогу» углубленного и всестороннего изучения «роскошного и славного языка просвещенной России». В конце книги помещены армянский текст и параллельный русский перевод «Молитвы» писателя XII века Нерсеса Шнорали (Благодатного).

Издание словаря Халдаряна было завершено вдовой автора Катариней Захаровной. Лео назвал ее первой армянской издательницей⁷. В послесловии упоминается и имя наборщика: «Помяните достойно имя основателя типографии и автора книги, в бозе почившего (светлой души) Халдаряна Григория, а также его духовного сына и непосредственного ученика Мкртума Аствацатуряна, который с юношеских лет не мало трудился и постоянно трудится во славу армянского племени, с любовью

¹ Матенадаран, № 5951.

² Там же, л. 118--121.

³ Там же, л. 94, 110-112, 122.

⁴ Там же, л. 122.

⁵ Там же, л. 53-55.

⁶ Книга, которая называется стезей языкопознания, напечатана в типографии Халдаряна. Изданием Катариней Захаровны, вдовы покойного. СПб., 2-го декабря 1788.

⁷ Лео, История Армении..., т. III, стр. 1056.

служившего, и отливая, и подравнивая, и набирая, и рассыпая свинцовые буквы»¹.

Теперь, конечно, легко критиковать труд Халдаряна, обнаружить в этом первом опыте составления армяно-русского словаря существенные недостатки, неточности и примитивизм. Тем не менее книга Халдаряна для своего времени была явлением большого культурного значения. Книга эта свидетельствует также о личных способностях ее автора, в сравнительно короткий срок преодолевшего трудности и в достаточной степени овладевшего русским языком.

Более широкие задачи ставил автор другой книги, изданной в том же 1788 году в петербургской типографии Халдаряна. Автор этой книги Клеопатра Сарафова назвала свое сочинение «Книгой, содержащей в себе ключ познания, букваря, словаря и некоторых правил из нравоучения»². Она была предназначена для «малолетнего юношества и всех желающих сему обучаться». Книга Сарафовой мало привлекала внимание исследователей. Между тем по своему исключительному значению она вполне достойна всестороннего рассмотрения. Она открывается обращением автора к великому князю Константину Павловичу. Книга Сарафовой содержит: а) «Букварь армянской и Российской», б) «Российской букварь с армянским», в) «Наименование букв армянских с показанием, которые из российских букв соответствует употреблению армянской», г) «Наименование букв российских с показанием, какая из армянских букв соответствует употреблению российской», д) «Армянские слоги с российским произношением», е) «Российские слоги с армянским произношением».

Второй раздел книги, наиболее значительный по объему (стр. 21—243), составили «Армянский словарь с российским переводом» и «Российский словарь с армянским переводом». И в этом случае автор придерживается тех же принципов параллельного воспроизведения, как и в первом разделе. Сначала дается русская форма слова, затем его звучание при помощи армянских букв и, наконец, его значение. Так же составлен армяно-русской лексикон. Например:

- Русастан, кам Русет—Россия,
- азат—свободный,
- айгепан—садовник,
- лусамут—окно,
- патив—честь.

Сарафова, в поисках более доступных и доходчивых форм, впервые применила способ передачи звучания русских слов армянскими буквами и звучание армянских слов при помощи русского алфавита. И, конечно, как и следовало ожидать, она встретила с серьезными трудностями, вытекающими из фонетического различия между этими двумя языками.

¹ «Стезя языкопознания...», стр. 156.

² «Книга, содержащая в себе ключ познания, букваря, словаря и некоторых правил из нравоучения. Сочиненная и переведенная с российского на армянской и с армянского на российский языки девицею Клеопатрой Сарафовой... 1788 г. августа 1 дня. В Санкт-Петербурге, печатано в дозволения Управы Благочиния, у Григория Халдарова».

В армянском алфавите отсутствуют знаки, при помощи которых можно было бы воспроизводить такие специфически русские звуки, как мягкий знак или «ы», «щ», «ю», «я». Последние изображались в учебнике Сарафовой посредством двойного сочетания армянских букв.

Не менее трудной оказалась задача воспроизведения звучания армянских слов при помощи русского алфавита. Только в отношении некоторого количества армянских слов можно достигнуть правильной передачи их звучания, при помощи русских знаков. Например:

деспан—посол,
зангакатун—колокольня,
напастак—заяц и т. д.

Для большинства же армянских слов применяемый Сарафовой способ давал лишь приблизительное, далеко не точное представление о звучании оригинала. С точки зрения фонетических особенностей автором первого русско-армянского и армяно-русского разговорника допускались при таком примитивном методе и искажения¹. Тем не менее основная цель была достигнута. Словарь Сарафовой был для своего времени полезным и нужным руководством. Он не был предназначен, как можно судить по многообразию и разносторонности состава слов, для людей узкого сословного круга. В нем даются не только отдельные слова, но и целые выражения и фразы:

авитенакан кянк—вечная жизнь,
тагаворутюн еркнапп—царство небесное,
хайренакан анун—отечественное имя.

Третий раздел словаря составляет разговорник, рассчитанный по своей тематике на школьников, где нашли отражение общепринятые педагогические нормы и где автор преследовал цель приучить своих юных читателей хорошим манерам, разумеется, в рамках кодекса поведения дворянских детей.

В разговорнике много нравоучительных сентенций. В таком плане составлен весь четвертый раздел, озаглавленный автором: «Гражданское начальное учение», в котором излагаются основы христианской морали и нравственности. Здесь встречаются такие изречения, как:

Добрые дела сами собою воздаяния приносят.
Во всяком возрасте почитай родителей.
Сделав ближнему пользу, сам себе сделаешь пользу.

В этом же разделе приводятся образцы русских пословиц и поговорок, как, например:

Праздность есть мать скуки и многих пороков.
Век живи, век учись.
На бога надейся, но сам не оплошай.
Честность есть неоцененное сокровище.

¹ Вопрос, который некогда волновал Сарафову и который она пыталась решать практическим путем, представляет актуальную проблему и для советской филологической науки. Давно назрела необходимость разработки фонетической, аналитической транскрипции, позволяющей с возможной точностью воспроизводить звучание и ритмический рисунок национальных текстов, в частности и армянских.

Тонкость не есть чистосердечие.

Хитрость не есть разум.

Когда самую истину показывать надлежит, на то излишних слов не надобно.

В этом же разделе в форме вопросов и ответов даются общепользные сведения о временах года, частях света и т. д.

В сравнительно небольшом словаре, насчитывающем около двух тысяч слов, нашли место такие понятия, которые дают основание думать, что Сарафовой не были чужды передовые веяния «века просвещения». Например, в словаре имеются выражения: «демократическое правление», «республиканское правление», «деспотический или неограниченный владетель». Что эти выражения оказались в словаре не случайно и они связаны с убеждениями автора, подтверждается содержанием последующих разделов. В разговорнике встречаются такие фразы:

Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам.

Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам.

Вольность есть право, все то делать, что законы дозволяют.

Где есть разделение между особами, тамо есть так же преимущества особам, законами утвержденные.

На основе этих рассуждений можно составить представление об общественно-политических воззрениях Сарафовой. Она стоит на дворянско-просветительских позициях, ратует за справедливость, за право и «меньшего гражданина» защищать свою правду.

«Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» — этой фразой утверждается равноправие всех граждан перед законом, независимо от имущественного положения и сословной принадлежности. В то же время Сарафова не затрагивает основы дворянско-монархического строя. Свобода граждан регламентируется законами; они имеют право «все то делать, что законы дозволяют», а законы охраняют право и привилегии имущих сословий. Сарафова лишь констатирует: «Где есть разделение между особами, тамо есть также преимущества особам, законами утвержденные». Судя по всему, Сарафова была сторонницей просвещенной монархии, где «добрые законы направляют действия граждан к добру». В ее суждениях легко обнаружить и черты общегуманистического мирозерцания, навеянные идеями просветительской философии XVIII века. В книге Сарафовой находим и такие мысли:

Сердится не должно на того, кто тебя выше или ниже; а то во гневе не будет равенства.

В споре не что сердится: всяк человек рожден своим смыслом, так как и своим лицом.

Во всяком деле должно выслушать обе стороны; пусть защищает всякой свою правду.

Автор защищает право каждого свободного высказывать свои мнение, право каждого отстаивать «свою правду». В то же время программа поведения образцового гражданина начертана в книге в весьма общих тонах,

в рамках вполне благонамеренного мировоззрения. На вопрос: «Что есть добрый гражданин?» автор отвечает: «Добрый гражданин есть тот, который выполняет с точностью все гражданские обязательства; домашние: яко сын, яко муж, яко отец, яко получающий услуги, или яко отправляющий служение по состоянию, в котором находится; общественные: яко в обществе живущий; и дружеские: яко друг и яко добрый сосед». Общественные обязанности гражданина автором определяются слишком расплывчатой, ни к чему не обязывающей фразой: «яко в обществе живущий». Сарафова сторонница социального мира и тишины. Она не одобряет поведение людей беспокойных, ищущих, которых она называет «завистниками». Она проповедует каждому довольствоваться тем, что он имеет, не желать большего, смириться. Сарафова говорит:

Кто завистлив или желает того и сего, тому не дожидаться веселья.

Кто состоянием своим доволен, тому жить весело¹.

В основе этих нравоучительных сентенций в конечном счете лежит мысль о покорности и смирении. Эта куцая житейская философия вполне соответствовала официальным нормам поведения, установленным законами дворянского общества. «Благонамеренность» автора в большей степени сказалась в отрывке, где она рисует образ добродетельной барыни: «Доброй хозяйке должность есть: быть тихой, скромной, постоянной, осторожной; к богу усердной, к свекру и свекровы почтительной; с мужем обходится любовно и благочинно, малых детей приучать к справедливости и любви к ближнему, слуг и служанок содержать милостиво; пред родственниками и свойственниками быть учливой, добрые речи слушать охотно, лжи и лукавства гнушаться; не быть праздной, но радательной на всякое изделие и бережливой в расходах».

Отрывок этот выписан нами из последнего, пятого раздела книги, имеющего странное заглавие: «Китайские мысли о совести», в котором без всякого плана и последовательности приводятся отдельные мысли, изречения, со ссылками на Аристотеля, Сократа, Диогена, Анаксагора и других мыслителей древности.

На идеологию Сарафовой несомненное влияние оказало ее социальное положение, ее принадлежность к привилегированному сословию. Тем не менее в создании такой своеобразной книги-учебника, очевидно, в известной мере ею руководило благородное патриотическое стремление по мере своих сил способствовать процессу культурного возрождения своего народа. Достаточно сказать, какое огромное значение имела книга Сарафовой для своего времени в деле пропаганды русского языка среди армянского населения.

«Первейшая человеку должность, чтоб служить своему отечеству,— говорит Сарафова.— Не прискорбно ли вам будет, когда вы не в состоянии будете никогда ему никакой услуги оказать».

Кто же была Клеопатра Сарафова, которую армянский историк Лео назвал «первой писательницей» из восточных армян?¹

¹ Лео, История Армении (на арм. яз.), т. III, изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1946, стр. 1056. Первой арм. писательницей в XVIII веке была Марнам Гарагашян.

Биографические сведения о ней отсутствуют. Можно говорить лишь предположительно, что она родилась в 1755—1760 гг. в Астрахани. Сарафова достаточно хорошо владела как армянским, так и русским языком. Знанием русского языка она обязана петербургскому периоду своей жизни. Кто же Сарафова по происхождению? Есть некоторое основание думать, что она была дочерью армянского богатого негоцианта и промышленника Мовсеса Сарафова.

Сарафов, как подробно рассказал об этом в своем исследовании А. Р. Иоаннисян о Иосифе Эмине, известном армянском политическом деятеле 60-х годов XVIII столетия¹, был автором проекта освобождения армянских областей и восстановления армянского независимого государства, под покровительством России. В этом проекте Сарафов затрагивал вопросы, связанные с успешным осуществлением всей военной кампании, высказывая свои соображения об организации добровольческих отрядов из армян и грузин, подчиненных общему командованию русского экспедиционного корпуса, о содержании и снабжении армии, о плане освобождения важнейших населенных пунктов: Еревана, Ахалцыха, Карса, Баязета, Вана и т. д.² «Моисей Бунятов сын Сарафов», как именует он себя в этом официальном документе, поданном 8 июня 1765 года в коллегия иностранных дел, как и многие подобные ему, был выходцем из Ирана, персехал в Россию, обосновался в Астрахани, где занимался он шелководством. В 60-х годах он был одним из самых богатых армянских богачей-промышленников, деятельность которых поощрялась русским правительством³. Когда он персехал в Петербург, пока трудно сказать, но уже в начале 80-х годов он уже был там. Его имя упоминается в Записке Иосифа Аргутинского 1781 года, в числе именитых петербургских армян⁴. Сам Сарафов в своем проекте ссылается на «жителей из национальных же армян людей знатных в Санкт-Петербурге». Среди перечисленных имен в конце его Записки находим имена: армянского священника Иваниса Шеристанова, гофювелира Ивана Лазарева, князя Михайло Назарова, Юзбаши Якупа, Макара Манычарова и владельца шелковых фабрик Григория Кампанова⁵.

Эти петербургские армяне составляют ту социальную среду, из которой вышла Клеопатра Сарафова. Воодушевленная идеями «века просвещения», желая служить своему отечеству, Сарафова взялась за перо и написала свою книгу, которая была первым плодом ее трудов.

Нет достоверных биографических сведений о другом петербургском авторе XVIII века Варлааме Ваганове. Кто был скромный подпоручик Варлаам Ваганов, который, волею судеб оказавшись в северной русской столице, с таким усердием и энтузиазмом занимался пропагандой исто-

¹ А. Р. Иоаннисян, Иосиф Эмин, Ереван, 1945.

² Текст проекта впервые опубликован А. Р. Иоаннисяном, там же, стр. 339—352.

³ Ему был предоставлен русским правительством кредит в сумме 10000 рублей. Полное собр. законов Российск. имп., т. XVI, стр. 387.

⁴ А. Р. Иоаннисян, Иосиф Эмин..., стр. 269.

⁵ Там же, стр. 352.

рии своего народа? К сожалению, пока не удалось обнаружить в рукописных хранилищах какие-либо документы о нем, о его служебной и литературной деятельности. Во всех же печатных источниках имя его упоминается как автора русских переводов первых книг об Армении.

Из опубликованных за последние годы А. Р. Иоаннисяном документов выясняется, что в 1784 году Варлаам Ваганов был капралом лейб-гвардии конного полка. Его имя, как переводчика, стоит под официальными письмами армянских меликов¹. Среди этих писем имеется одно письмо 1783 года подполковника русской армии Мирзабека (Мурзабека) Ваганова², возможно родственника Варлаама Ваганова. В 1786 году Варлаам Ваганов был уже подпоручиком и жил постоянно в Петербурге. Все наши поиски его имени в списках офицеров как лейб-гвардии конного полка, так и лейб-гвардии Преображенского полка оказались тщетными. Нет Ваганова и в различных справочных изданиях русских офицерских чинов XVIII века, где имена лиц низших воинских званий отсутствуют.

Небольшая книжка Ваганова, заключающая в себе 27 страниц и озаглавленная «Плач о Армении», представляет собой перевод на русский язык заключительной части «Истории Армении» известного армянского писателя V века Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского)³. Отрывок, избранный Вагановым, ярко характеризует как патристические чувства автора, так и замечательный памятник древнеармянской литературы, его лиризм, его высокие художественные достоинства.

Не случайным было русское издание 1786 года в Петербурге эпилога «Истории Армении» Хоренаци, где повествуется о падении армянского царства, династии Аршакуни, продолжавшей свое существование до 428 года нашей эры. Оно тесно связано с событиями политической жизни России конца XVIII века. Вместе с тем оно отражало настроение и идеологию деятелей армянского национально-освободительного движения 80-х годов XVIII столетия. Это было время, когда в русской столице, в коллегии иностранных дел, при непосредственном участии Г. А. Потемкина и А. В. Суворова, разрабатывались планы восстановления армянского государства⁴. Легко представить как в то время звучали строки из «Плача о Армении».

«Царствуют свирепые и бесчеловечные владыки, которые тяжкими налогами обременяют народ и издают повеления жестокие и неудобо-

¹ А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947, стр. 255, 162, 266, 272—273.

² Там же, стр. 249—250.

³ О Хоренаци см.: М. Абеян, История древнеармянской литературы, том I, Изд. Акад. наук Арм. ССР, Ереван, 1948, стр. 198—241.

⁴ «Плач о Армении. Из сочинений славного армянского историка Мосеса Хоринацеса. Перевел с армянского на российский язык В. В... В Санкт-Петербурге. Печатано с дозволения Управы Благочиния, у Шнора 1786». Брошюра Ваганова является библиографической редкостью. Экземпляр хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр 18. 232. 3. 201.

⁵ Подробно см.: А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х г. XVIII столетия.

исполняемые. Вельможи не милосердны, друзья пронырливы, и злодеи многомошны, верным к сей суетной жизни продолжая, разбойники отовсюду толпами набегают, жилища разрушаются, имения расхищаются, вельможи обременены оковами, и знаменитые низвергаются в темницу, чада посылаются в изгнание, и простой народ бесчисленные претерпевает бедствия. Грады взяты, крепости разрушены, села опустошаются, и жилище пожирается пламенем. Жестокий глад, болезни и многообразные смерти удручают»¹.

Слова эти напоминали читателям об угнетенном и бедственном положении армянского народа в султанской Турции и шахской Персии.

Отсутствие биографических материалов не позволяет в полной мере осветить вопрос об участии Ваганова в национально-освободительном движении. Во всяком случае он пользовался покровительством И. Л. Лазарева. Свой перевод отрывка из «Истории Армении» Хоренаци Ваганов посвятил Екатерине Ивановне Лазаревой.

Что Ваганов был тесно связан с И. Л. Лазаревым и Иосифом Аргутинским-Долгоруким и пользовался их покровительством, становится совершенно очевидным из изданной в Петербурге второй его книги, представляющей перевод «Истории Армении», составленной виднейшим представителем индийской армянской колонии в Мадрасе Шаамиром Шаамиряном.

Исраел Ори был одним из первых деятелей западноармянского движения, который, намечая широкую программу национально-освободительной борьбы, установил связь с петровской Россией, надеясь при ее активной помощи восстановить армянское государство. После неудачной попытки Ори, спустя многие годы, появляется на арену Иосиф Эмин, предпринимавший в начале 60-х годов XVIII столетия новые шаги в этом же направлении. Эмин—выходец из армянской индийской колонии. Его молодые годы прошли в Лондоне, где он усиленно готовился к будущей деятельности. Ему удалось при помощи влиятельных лиц поступить в Королевскую Академию в Вульвиче, где он изучал артиллерийское дело и искусство фортификации. В 1759 году, преодолевая большие трудности, наконец, удалось ему впервые посетить Армению. В Эчмиадзине, резиденции главы армянской церкви, он, не встретив сочувствия, направился в Грузию, познакомился с грузинским царем Ираклием, изложил свой план освобождения Армении и Грузии. В ноябре 1761 года Эмин приехал в Петербург, с намерением установить непосредственную связь с русским правительством².

Эмин преследовал широкие политические цели: поднять восстание армян и грузин, вместе с карабахскими меликами, едиными усилиями,

¹ «Плач о Армении...», стр. 25—26.

² Эмин провел в Петербурге около четырех месяцев. Жил он на Адмиралтейской стороне, близ галерного двора, в доме английского пастора Думареска. В том же доме жил некоторое время и «кизлярский житель, тефлисской армянин Папа Хатунов», который стал посланцем Эмина в Грузию. Эмин выехал из Петербурга в марте 1762 года.

опираясь на помощь России, сбросить персидско-турецкое иго. Попытки Эмина не увенчались успехом. Он вернулся к своим родным в Индию, где и умер в 1809 году¹.

Армянская индийская колония возникла в XVIII веке. В связи с новой волной репрессий и преследований армян в Турции и Персии и с походом афганцев на Испагань и на Новую Джульфу усиливается переселение армян в Индию. Во второй половине XVIII столетия по своему культурно-политическому значению начали выделяться колонии в Мадрасе и Калькутте. В Мадрасе в 1799 г. вышло первое армянское периодическое издание «Аздарар» («Вестник»). В 70-х годах здесь же образуется небольшой кружок патриотически настроенных армян. Из этого кружка вышел Шаамир Шаамирян, деятельность которого тесно связана с армянским освободительным движением последних десятилетий XVIII века.

Связь с индийской колонией была установлена и раньше, но она стала более регулярной и прочной в 80-х годах XVIII века. Шаамирян, с которым в эти годы Иосиф Аргутинский находился в переписке, был крупным богачом и видным деятелем армянского освободительного движения. Он был автором книги под заглавием «Ворогайт парац», «Западная честолюбия», являющейся политическим трактатом, с историко-теоретическим введением и изложением конституционных принципов будущего армянского государства². Трактат Шаамиряна был издан в Мадрасе. Там же было напечатано составленное им «Краткое историческое и географическое описание царства арменского». Экземпляр книги весьма кстати был послан Аргутинскому, который со своей стороны представил Г. А. Потемкину. По распоряжению последнего, в Петербурге был издан русский перевод книги Шаамиряна. Автором перевода был Варлаам Ваганов³.

Переводчик «Истории Армении» ставил перед собою определенную задачу. Ваганов принадлежал к числу тех, которые прилагали все усилия к тому, чтобы вызвать интерес российского двора к судьбам армянского народа. Не случайно книга Ваганова была посвящена одному из виднейших государственных деятелей екатерининских времен, сподвижнику русской императрицы, фельдмаршалу, «светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому». Среди подписчиков первого русского издания «Истории Армении» наряду с именами кавказского происхождения: Ивана Маничарова, Герсевана Чавчавадзева, Иосифа

¹ См. подробно в монографии А. Р. Иоаннисяна: Иосиф Эмин.

² Подробное изложение содержания и характеристику трактата Шаамиряна см.: А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 21-х годах XVIII столетия, стр. 136—163.

³ «Краткое историческое и географическое описание царства Арменского, из древних писателей сего народа, яко верных источников, собранное и на арменском языке в Индии изданное Яковым Шамировым, а ныне с арменского на российский язык переведенное подпоручиком Варлаамом Вагановым. Изданием книгопрод. Вогака и товарищ. В Санкт-Петербурге. Печатано с дозволения Управы Благочиния у Шнора, 1786 года» (175—66 стр.).

Хастатова, Макара Богдановича Маничара, Ивана Сумбатова, Назара Гарибджанова, Григория Худобашева и Иоакима Лазарева также были имена высших сановников российского государства: Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, сенатора, президента коммерц-коллегии, впоследствии государственного канцлера графа Александра Романовича Воронцова; одного из деятельнейших и влиятельнейших сотрудников Екатерины Второй графа Александра Андреевича Безбородко; сына фельдмаршала, друга Воронцова и Потемкина, графа Андрея Петровича Шувалова, известного археолога, члена Российской Академии, президента Академии художеств Алексея Ивановича Мусина-Пушкина; княгини Екатерины Романовны Дашковой, отца поэта К. Ф. Рылеева; старшего сына «Арапа Петра Великого» Ив. Абрамовича Ганибала и многих других знатных вельмож екатерининских времен. В перечислении «особ, благоволивших подписаться» на «Историю Армении» Ваганова, значилось и имя прославленного русского полководца Александра Васильевича Суворова.

Варлаам Ваганов на обороте титульного листа поместил шесть стихотворных строк, которые говорили о светлых надеждах автора, об освободительной миссии России в отношении армянского народа:

Богатством, древностью и храбростью героев,
Что в римских некогда разили в битвах воев,
Премножеством премен прославленна страна,
Армения се днесь лежит расхищена;
Но вопль ее врагов насильством извлеченный,
Достиг уже пред трон Российский освященный.

В предисловии, обращенном к читателю, Ваганов просил быть нестрогим к его русскому языку, так как он «иностранец» и, «упражняясь» в русском языке, «чрез весьма немногие годы, не имел ни случая ни возможности вникнуть в изящность и красоту иного другим образом, как собственным своим речением, без всякого руководителя». Из его краткого предисловия выясняется, что он занимался переводом армянской истории в свободное от службы время. У Ваганова не было руководителя при изучении русского языка, но у него были не плохие помощники и консультанты при осуществлении перевода «Истории Армении» Шаамиряна. В обращении к читателям он упоминает имена двух своих соотечественников: Макара Богдановича Маничара и прибывшего из Армении Степана Попова. Как выясняется из опубликованных за последние годы документов XVIII века, касающихся русско-армянских политических сношений, Степан Попов был переводчиком и посредником между резиденцией патриарха Армении Эчмиадзином и Петербургом. Попова называли иногда в официальной переписке «араратским послом». Он подписывался «армянской дьякон Степан Сагаков сын Попов». Он бывал в Петербурге, выполняя разные поручения патриарха. Он же оказал, видимо, существенную помощь Ваганову в работе над переводом «Истории Армении»¹.

¹ См. А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение... стр. 113—114, 120—122, 170, 176—177, 269, 271.

Достоин специального внимания и второй помощник Ваганова—Макар Богданович Маничар. Его настоящее имя—Маргар Аствацатурович Манучарян. Некоторые биографические сведения сохранились о нем в переписке католикоса-патриарха Гукаса. Предки Манучаряна были жителями Еревана. Со времени нашествия Шах Аббаса они оказались в Персии, поселились в Новой Джульфе, затем переехали в Россию. Сначала жили в Астрахани. Позже Маргар Манучарян со своими братьями Мкртичем, Пилипосом и Ованесом перебрался в Петербург¹. Здесь в «Московской части» города он завел «мануфактуру шелковых чулок и перчаток»². Манучарян был не только крупным промышленником, но и видным представителем армянской культурной колонии в Петербурге. Он принимал деятельное участие во многих культурных начинаниях. Участие его выражалось не только в крупных денежных пожертвованиях, но и проявлением инициативы в организации культурных учреждений. Манучарян был среди тех немногих, кто оказал содействие Халдаряну в основании армянской типографии в Петербурге. Он помогал Ваганову в переводе исторического сочинения Шаамиряна на русский язык. Наконец, Манучарян был инициатором организации армянской школы в Астрахани.

Не только в древние века, но и в XVIII столетии армянские школы существовали преимущественно при монастырях. Учебная программа была целиком подчинена задачам духовного образования и воспитания. Несколько особняком стояла школа, организованная в начале XVIII века Венецианским религиозным братством во главе с Мхитаром Себастици, принявшим католичество. «Мхитаристы» вскоре развили широкую научно-литературную деятельность, ревниво собирая и изучая все, что относится к истории Армении, ее культуре, литературе, языку. Они начали издавать книги не только духовного содержания, но и переводы из европейской литературы, исторические исследования, словари, а также труды по географии и естественным наукам.

Иные задачи ставила армянская школа в Астрахани, возникшая в 70-х годах XVIII столетия. Это было частное учебное заведение, где в первое время занималось небольшое количество купеческих детей. Ни скудные средства, ни условия, ни состав преподавателей не могли обеспечить всестороннее развитие воспитанников. Астраханская школа на первых порах и не ставила широких образовательных задач. Она давала минимальные необходимые знания, главным образом для занятия коммерческими делами³. Сохранилось стихотворение, посвященное Г. А. Потемкину, сочиненное в 1776 г. и переведенное на русский язык воспитанниками армянского училища в Астрахани.

По содержанию этого небольшого послания в стихах легко представить и его сочинителей—купеческих сынков и их интересы и, наконец, их

¹ Архив армянской истории (на арм. яз.), т. IV, Тифлис, 1899, стр. 516—518.

² Словарь географич. . . часть пятая, М., 1807, стр. 687.

³ Речь идет об учебном заведении, которое существовало в Астрахани до организации Агабабовского училища в 1805 году.

кругозор. Они благодарят в лице Потемкина правителей России, обеспечивших армянским купцам путь «из Персской земли во Астраханский порт», выгодный торг и большие барыши¹.

Стихотворное послание к Потемкину свидетельствует, что в 1776 году в Астрахани уже существовали небольшие частные пансионы. Вопрос об организации армянской школы вновь возник в начале 80-х годов. Инициатором этого культурного начинания был Маргар Манучарян².

В 1782 году Манучарян обратился в Петербургскую Академию наук с просьбой оказать содействие в составлении программ для будущей армянской школы в Астрахани. Проект программы был написан конференц-секретарем Петербургской Академии наук Яковым Штелиным.

Им же была составлена в августе 1782 года, по просьбе Манучаряна, записка на немецком языке об организации армянской школы в Астрахани. Обнаруженная в фондах рукописного отдела Государственной публичной библиотеки в Ленинграде записка Штелина представляет подробный план четырехклассного училища для детей от восьми до пятнадцати лет. В числе предполагаемых предметов намечались география, математика, физика, всеобщая история, естествознание, иностранные языки. Автор записки приводит перечень учебных пособий: библия на родном языке, то же на русском, немецком и французском языках, то же иллюстрированное издание, географический лексикон Российской империи Полунина, французский письмовник (образцы писем), русско-немецко-французский разговорник, учебник физики Крафта, галерея исторических картин, а также синхронические таблицы и географические карты. В записке говорится и о необходимом оборудовании, в которое включены не только циркули, линейки, измерители масштабов, глобус и различные приборы, но и инструменты часовых дел, модели зданий, гербарии, коллекция рыб, птиц и насекомых, собрание всевозможных камней, благородных минералов, пласты земельных пород и т. д. Особое внимание в программе уделялось техническим предметам и практическим знаниям, что приближало ее к программам будущих реальных училищ³.

Астраханская школа, как она рисуется нам в этой программе, представляла значительный шаг вперед в истории армянских учебных заведений на территории России. Она преследовала широкие образовательные цели, но был ли осуществлен проект Штелина? Если Манучарян в начале 80-х годов и добился организации астраханской школы, то она просуществовала недолго.

В конце XVIII века появляется еще одно новое лицо—Макар Хоченц, литературная деятельность которого тесно была связана с Петербургской культурной колонией.

¹ Печати. Здесь же другие стихи, посвящ. Потемкину (стихи Вас. Рубан). Рукоп. Отд. Инст. русск. лит. АН СССР, Арх. М. П. и Н. М. Петровских, ф. 382, № 47.

² Архив армянской истории (на арм. яз.), IV, Тифлис, 1899, стр. 481—483.

³ Отдел рукописей Госуд. публичн. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бумаги Я. Я. Штелина.

Настоящая фамилия Хоченца—Гехамянц Маргар Захарович, уроженец Еревана. Позже он со своим семейством переехал в Смирну и исполнял должность переводчика у английского посла. Хоченц пользовался репутацией ученого человека, свободно владел многими языками: итальянским, русским, турецким, персидским, арабским. Узнав о деятельности петербургской колонии, установив связь с Аргутинским, Хоченц, оставив службу в Смирне, переехал в Петербург. После того, как типография, основанная Халдаряном, была переведена из Петербурга в Новый Нахичевань, Хоченц становится одним из активных помощников Аргутинского. Здесь Хоченц переводит на армянский язык и в 1794 году при содействии Аргутинского издает весьма популярный в XVIII веке нравоучительный роман Фенслона «Приключения Телемака»¹. В предисловии Хоченц, делая обзор переводов «Телемака», высказывал мысль о необходимости осуществления и армянского перевода. Здесь же он упоминает о готовящемся грузинском издании. Хоченц является автором перевода восточной повести «Роза и соловей» известного азербайджанского поэта XVI века Физули. Он же перевел эту повесть на французский и итальянский языки. В 1817 году Хоченц участвовал в издании С.-Петербургским библейским обществом библии на армянском языке².

В 1819 году, когда возник вопрос о цензуровании армянских книг в Петербурге, архиепископ Иоаннес в письме к министру духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицину рекомендовал в качестве цензора Макара Хоченца, «который,—писал Иоаннес,—есть муж искусный и ученый философским наукам...». Хоченц служил тогда в коллегии иностранных дел. Из письма гр. Нессельрода кн. А. Н. Голицину выясняется, что Хоченцу тогда было уже 83 года. Здесь же сообщалось, что он просит жалованье 1500 рублей в год. Против назначения Хоченца возражал Иоаким Лазарев, считавший, что Хоченц требует слишком большое вознаграждение и цензурованием армянских книг, издаваемых в Петербурге, с полным успехом мог бы заняться цензор в Москве архимандрит Серафим. Кн. А. Н. Голицын писал в ответ Лазареву, что так как Хоченц рекомендован «преосвященным Иоаннесом, архиепископом обитающих в России армян», то его просьба должна быть удовлетворена и 1500 рублей, по его мнению, «кажется весьма умеренным окладом за труды столь достойного и способного человека, каковым признан Г. Хоченц, тем паче, что труд его доставит пользу для всей нации». Пока шли переговоры между Голицыным и Лазаревым, на 84-м году жизни Макар Хоченц умер³.

История армянской колонии в Петербурге еще не написана. Краткая характеристика ее отдельных представителей, выявленные факты и свиде-

¹ Лео, История Армении (на арм. яз.), т. III, стр. 1056—1057, 1083. См. также: Лео, Иосиф Аргутинский (на арм. яз.), Тифлис, 1903, стр. 197—199.

² Собрание актов..., часть III, стр. 214.

³ Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ). Дела по цензуре и сочинениям. 1819—1820 гг., ф. 777, оп. I, ед. хр. № 182106 и № 206608.

ния еще не позволяют с достаточной полнотой и точностью определить ее состав, ее значение в общем сложном процессе культурного возрождения армянского народа. Одно лишь можно сказать вполне определенно: Петербург XVIII века занимает весьма важное место в истории армянского просвещения. Здесь именно, в стенах Академии наук, разрабатывалась программа будущей первой армянской школы на территории России. Здесь была основана одна из первых армянских типографий. Изданные здесь словарь Г. Халдаряна и «Книга, заключающая ключ познания» К. Сарафовой свидетельствуют о растущем интересе к русскому языку, как важнейшем факторе дальнейшего укрепления культурных связей армянского народа с Россией.